

А. С. Мыльников. Легенда о русском принце (Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л., 1987. 174 с.

Вполне закономерен и понятен наш интерес к «низовой» народной культуре, культуре «черного народа» и ее роли в истории города и деревни давних эпох. Весьма многообразны ее формы: это и фольклор, и традиционные обряды, и представления подневольных крестьян и простых горожан (ремесленников, мелких торговцев и т. д.) о политическом и общественном строе, их понятие о добре и зле, о социальной справедливости¹. Однако все эти аспекты народного мировоззрения, естественно, существовали на протяжении веков в сложной и не всегда ясной нам динамике, и в изменениях их играли порой заметную роль разнообразные связи с иными народами и народностями, а применительно к славянским народам — различные проявления межславянских взаимосвязей, представляющие один из важных предметов исследования советских и зарубежных ученых².

Вместе с тем, как известно, обычно при анализе межславянских связей в силу специфики сохранившихся материалов (прежде всего документов официального характера, источников по истории культуры, литературных контактов и пр.) на первый план выступают преимущественно вопросы военно-политические, либо факты культурного обмена, роль их в творчестве отдельных писателей, художников, наконец, для этой поры — в известной мере и отражение таких сугубо личных взаимоотношений в печатных изданиях той эпохи³. Иными словами, как справедливо отмечает в своей книге А. С. Мыльников (с. 8), о культуре народных масс и связях народных низов мы можем теперь судить, лишь преодолевая весьма серьезные трудности, прибегая зачастую лишь к косвенным свидетельствам, беглым упоминаниям.

Именно поэтому выбор автором данной темы нам представляется обоснованным и чрезвычайно интересным. поскольку, действительно, в XVIII в. Россия приобретает все большее значение в международной жизни Европы и в ту пору возникают реальные предпосылки для непосредственного, «бытового» знакомства с простым людом России многих представителей зарубежных славянских народов (в силу переселения отдельных групп сербов, черногорцев, болгар, а позднее также размещения в России бывших участников польской Барской конфедерации и др.; см. с. 5—7). Но А. С. Мыльников поставил в своей книге задачу — не ограничиваясь констатацией повседневных контактов, содействовавших упрочению межславянских культурных связей, показать нам, в каких политических идеалах и чаяниях широких народных масс за пределами России они нашли свое выражение и как это соотносится с русским народным самозванчеством, с народными легендами о «добром царе-избавителе» (ср. с. 17, 105—106). Иными словами, в результате «перекрещивания» двух тематических сфер в центре внимания автора оказывается анализ того, как переворот 1762 г. и появление затем в России целого ряда самозванцев — под именем «императора Петра III» (самым известным из них был Пугачев)⁴ вызвали уже вскоре распространение в зарубежных славянских странах разных легенд о «русском царе» и, более того, новых «самозванцев», выступавших во главе народных движений.

Соответственно в книге дана вначале краткая предыстория данных славянских (и даже шире — отчасти и неславянских) легенд и свидетельств о действиях этих новых «царей» вне России. В главе «С верой в свободу: 1762—1773» А. С. Мыльников анализирует нарочито туманные и противоречивые сообщения манифестов о восшествии на престол Екатерины II, оставившие широкое поле для разных толков и «двусмысленных намеков» на судьбу свергнутого Петра III, уже вскоре вылившихся в форму уверений, что дескать «царь жив», но скрывается где-то (с. 20, 28). Для проникновения подобных народных толков и слухов, непосредственно связанных с идеями о «царе-избавителе» и с давней (чуть ли не с 1747 г.) заметной тенденцией к идеализации Петра III, за пределы России весьма важен уже отмечавшийся в литературе факт, что и первые русские самозванцы, действовавшие под таким именем, и подобные слухи появляются в южных губерниях России, на Украине, а также в Поволжье (с. 28—31). Бесспорно, что «кристаллизация» таких самозванческих идей в данных районах Российской империи, где было уже немало сербов и черногорцев, как и бывших конфедератов или «поляков», имела немалое значение для дальнейшего «продвижения» подобных слухов или легенд уже на территорию Австрийской империи и даже далее — в, казалось бы, совсем изолированную османами Черногорию. Понятно поэтому, что и в чешском селении, и в сербском монастыре Раваница (в нынешней Воеводине) в местных хрониках появляются краткие сообщения о неясной судьбе Петра III, предвещавшие последующие отголоски в Чехии и Черногории (с. 27, 32).

Вполне закономерно, что автор отводит две специальные главы этим любопытным проявлениям народных чаяний о «царе-избавителе» — «Черногория: 1766—1773» и «Чехия: 1775». Следуя хронологическому принципу, А. С. Мыльников включает между ними и главу «Третий император — Е. И. Пугачев: 1773—1755». На первый взгляд, обращение к истории Крестьянской войны под руководством Пугачева в рецензируемой книге не так уж оправдано, но в действительности и здесь автор обращает наше внимание на те аспекты крестьянского восстания, которые имеют непосредственное отношение к русско-славянским связям: к отрядам Пугачева присоединялись (или же пытались примкнуть) и многие рядовые участники Барской конфедерации, тогда как их предводители вовсе не хотели влиться в «злодейскую толпу», предпочитая сохранять лояльное отношение к царским властям (с. 71—74). Думается, однако, что гипотеза А. П. Бажовой об участии в повстанческой войске Пугачева также сербов и черногорцев все же остается необоснованной (с. 70—71).

В качестве довода против данной гипотезы можно указать и на тот известный факт, что ареал, охваченный Крестьянской войной и военными действиями отрядов Пугачева, вовсе не включал тех районов (бывшей Славяно-Сербии и Новой Сербии), где в основном были расселены сербы и черногорцы. Не менее важно, на наш взгляд, другое — то, что в югославянской среде такие легенды о «мужиком царе», «добром царе» могли восприниматься иначе, поскольку тогда (как и ранее) русско-югославянские связи были переплетены с освободительными антиосманскими устремлениями и надеждами на помощь России поработенным балканским народам. Перефразируя известные слова А. И. Бибикова Д. И. Фонвизину, что не самозванец здесь «важен, важно общее негодование» народа (с. 79), хотелось бы напомнить, что именно этот комплекс симпатий к России и освободительных стремлений обусловил и популярность в югославянской среде другого русского самозванца — мнимого «царевича» Тимошки Анкудинова (в сер. XVII в.)⁵.

Появление в Черногории очередного «императора Петра III» (Степана Малого) до наших дней оставляет много вопросов исследователям. Дело, конечно, не в том, кем был этот таинственный человек, сумевший фактически без боя добиться власти в Черногории и удержать ее несколько лет (1767—1773 гг.), несмотря на противодействие прежнего правителя (митрополита Саввы) и даже могущественной русской царицы Екатерины II. Показательно, что Степан Малый, однако, не «укладывается» вполне в ряд претендентов на имя Петра III прежде всего потому, что он себя никогда так не называл (иными словами, это самозванец без «самозванства»), хотя его приверженцы объявляли Степана «русским царем», «Петром Федоровичем» (с. 35—37). Другая особенность заключается в том, что деятельность Степана в Черногории в силу местной специфики приобретает не антифеодальную, крестьянскую, а «национально-освободительную направленность» (с. 106), хотя автор (на наш взгляд, не столь убедительно) оспаривает точку зрения об антиосманских планах Степана Малого (с. 53—54; ср. там же, с. 36—39, 57, 42 — о войне с войсками Порты и об участии Степана агентом скадарского паши). Уже перечень этих и других дискуссионных вопросов и трудностей, возникающих в данном случае перед самим автором и читателями этой черногорской главы, показывает, что и теперь, несмотря на появление в нашей стране и в СФРЮ многих работ по этой теме (в частности, исследований В. В. Макушева, А. И. Яцимирского, М. М. Фрейденберга, Р. Петровича и др.), остается немало спорных вопросов — о личности самого Степана, его планах и т. д. В особенности важна здесь тщательная оценка имеющихся свидетельств, сообщений очевидцев, документов той поры, и эта текстологическая, источниковедческая работа по мере возможности автором проводилась. Отметим, например, что нам кажется убедительной критика А. С. Мыльниковым гипотезы А. П. Бажовой, будто бы Степан Малый — это русский майор, черногорец Степан Петрович (с. 44—45); однако вряд ли возможно согласиться с негативным отношением автора к сообщению Реньера о наличии «боснийского акцента» в речи самозванца (с. 45). Сошлемся на вполне авторитетное свидетельство Вука Караджича о существовании именно в данных районах современной Югославии тогда значительных диалектальных различий даже в речи жителей соседних поселений; поэтому-то Вук писал, что «опытный человек каждого из них, как только тот начнет говорить, узнает, из какого тот места»⁶. Возможны и разные предположения о социальной принадлежности Степана, бывал ли он в России и т. п. (с. 47—48; ср. также с. 144—145).

Точно так же важна эта, сугубо источниковедческая сторона и далее, где речь идет о появлении в рядах повстанцев (в 1775 г.) некоего загадочного «русского принца». «Загадки Градецкого письма», сообщавшего о том, что восставших крестьян северо-восточной Чехии возглавлял какой-то молодой человек, выдававший себя «за изгнанного русского принца», были уже проанализированы чешским историком Я. Ваврой, однако А. С. Мыльников справедливо уделяет этим вопросам пристальное внимание, поскольку здесь для нас важна не только проблема достоверности этого сообщения, но и оценка его с точки зрения русско-славянских связей XVIII в. и самой проблемы народного самозванчества. По нашему мнению, бесспорен вывод о надежности этого сообщения, однако автор идет и далее, считая возможным отождествить этого анонимного «смелого парня», далее — повстанческого вожака, таинственного Сабо (или Подвина Садло), так и исчезнувшего с горизонта габсбургских властей, и «русского принца» (с. 95).

Думается, впрочем, что анализ всех этих свидетельств о крестьянском движении и народных настроениях в Чехии конца XVIII в. (во взаимосвязи с проблемой чешско-русских связей той поры) еще может быть продолжен. Возможно, например, предположить, что крестьяне «выдвинули» богобоязненного богача Хвойку своим предводителем, ставшим невольным «сельским императором» и поэтому рассказ о «русском принце» был в действительности лишь «лозунгом», маневром повстанцев, старавшихся таким образом придать больше силы своему движению. Словом, этот «русский принц», может быть, и не был реальной «фигурой», как и знаменитый поручик Кижее! Но тем интереснее для нас появление такого свидетельства, вполне согласующегося с приводимыми автором сведениями о русско-чешских связях той поры, о чешских пьесах, выводивших в качестве действующего лица Пугачева и др. (с. 104; ср. с. 146—147, 157), а с другой стороны, с фольклорными представлениями, с народными повестями о Крале-Ячменье (с. 103) и определенными надеждами крестьян на Иосифа II (ср. с. 138).

Все эти разнородные, нередко неясные и противоречивые свидетельства, собранные и проанализированные в данной книге, показывают наглядно, насколько плодотворным оказывается исследование сложной и еще во многом неизученной сферы народной культуры, представлений широких народных масс в XVIII в. под углом зрения, охватывающего неоднородные и близкие, смежные или равноценные проявления народных чаяний и легенд, слухов и толков о «добром царе», о «царе-избавителе», о «подлинном, мужиком царе». Книга А. С. Мыльникова интересна и тем,

что она вводит читателя в пестрый мир различных исторических источников, содержащих сведения об этих народных представлениях и надеждах, она помогает узнать новые факты (в частности, о «русском принце» в рядах чешских повстанцев 1775 г. и др.), помогает найти новые оттенки в рассказе о тех событиях, которые, казалось бы, давно нам известны (в частности, о Степане Малом и Черногории, о Пугачеве и его сподвижниках), она побуждает нас к новым поискам и открытиям в истории русско-славянских связей и народного сознания давних эпох.

Е. П. Наумов

Примечания

¹ См., напр.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX в. М., 1967; Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России (2-я пол. XVII в.). М., 1982. Шаповалова Г. Г., Лаврентьева Л. С. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985; и др.

² См., напр.: Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984; Чуркина И. В. Русские и словенцы: Научные связи конца XVIII в.— 1914 г. М., 1986; Прилози проучава у српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980 и др.

³ Ср.: Наумов Е. П. Из истории русско-сербских культурных связей конца XVIII — первой трети XIX в. // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII — XX вв. М., 1987. С. 5—9.

⁴ Ср. Чистов К. В. Указ. раб. С. 137—141.

⁵ См., напр.: Мошин В. А. Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 497—501; его же. Из переписки самозванца Тимошки Анкудинова // Тр. отд. Древнерусской лит.-ры, Л., 1969. Т. 24. С. 309—313.

⁶ См., напр. Караџић. В. Ст. Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С. 8.

НАРОДЫ СССР

© 1990 г.

Т. А. Николаева. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. 246 с.

Бесполезно искать книгу Т. А. Николаевой на прилавках книжных магазинов — ее раскупили сразу по выходе из печати, хотя это дополнительный (4000 экз.) и довольно большой для научного издания тираж. Широкого читателя, конечно, привлекает красочность книги, представленное в ней очарование и богатство украинской, народной, крестьянской одежды прошлого. Но это не альбом образцов одежды. Иллюстрации здесь едва ли не главный фактический материал, на основе которого автор высказывает взгляды и суждения об истории развития украинского народного костюма. Ограничительная ремарка (Среднее Поднепровье), которая вынесена в заглавие, в значительной степени условна: в книге Т. А. Николаевой неизбежно затрагиваются и вопросы, и проблемы по более широкому региону. Сравнительно недавно то же издательство выпустило прекрасную книгу К. И. Матейко об украинской народной одежде, но рецензируемая работа — это особый подход к решению задач, стоящих перед историком культуры.

Т. А. Николаева поставила перед собой три задачи: исследовать генезис и историю элементов народной одежды; выделить и обосновать правомерность особых региональных комплексов одежды в Среднем Поднепровье (мужских, женских, девичьих; почему-то опущен детский?); попытаться наметить возможности сохранения традиций народного костюма в современной одежде. Каждая из этих задач могла бы стать темой специального исследования. Мы попробуем рассмотреть, и оценить содержание книги в том порядке, как это изложено автором. Естественно, оценки могут быть только в историко-культурном и этногенетическом плане.

Т. А. Николаева, на мой взгляд, удачно избежала опасности предпослать книге тяжеловесное и интересное только узким специалистам историографическое введение, ограничившись беглым очерком истории проблемы, но снабдив и этот очерк, и книгу в целом исчерпывающим списком книг, статей и других материалов, на которых построено ее исследование и к которым читатель может обратиться в случае необходимости. В очерковом плане построена и первая глава, в которой исследуются отдельные элементы традиционного крестьянского костюма. В целом глава дает и полное, и достаточно научное, и увлекательное даже для обычного читателя представление